

Ближний Восток как арена американо-китайского противостояния

Арман Артакович Микаелян, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено конкуренции Китая и США в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). В статье рассматриваются программные документы, определяющие внешнюю политику Китая в БВСА, и их практическая реализация. В связи с этим сотрудничество КНР с государствами региона можно разделить на три сферы: 1) энергетика; 2) инфраструктура, экономика и инвестиции; 3) высокие технологии и ядерные исследования. Экономический подъем Китая в постбиполярный период привел к значительному расширению присутствия Пекина и развитию взаимовыгодных отношений со всеми государствами региона.

Укрепление роли Китая как внерегионального актора вызвало обеспокоенность со стороны США. Автор полагает, что политику Вашингтона в отношении КНР в рассматриваемом регионе можно разделить на две составляющие: двустороннее взаимодействие с государствами БВСА с целью ограничить присутствие КНР; региональные инициативы США (*I2U2* и *IMES*), где особая роль отводится Индии. Более того, прослеживается преемственность американской политики сдерживания КНР в БВСА. Однако реализация проектов маловероятна из-за роста напряженности в регионе и эскалации палестино-израильского конфликта. Несмотря на успешное давление США на израильско-китайском и эмиратско-китайском треках в рамках политики по сдерживанию КНР, в целом государства региона не желают делать выбор в пользу одной из сторон, продолжая сотрудничество с двумя великими державами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Ближний Восток, внешняя политика, международные отношения, Китай, США, Индия, Саудовская Аравия, ОАЭ, Израиль

Введение

В последнее десятилетие все более очевидными становятся процессы трансформации, затрагивающие систему международных отношений. Об этом свидетельствуют объективные изменения в политике и экономике, где значительно окрепли позиции государств Востока, в первую очередь таких крупных азиатских держав, как Китай и Индия. Последовательное формирование нового многополярного мироустройства, в котором западные государства более не являются единственными решающими акторами, стало рассматриваться ими как угроза. Это привело к обострению противоречий и конкуренции великих держав, отражением которой является как санкционная политика Запада против Москвы и опосредованная война против России на Украине, так и антикитайский внешнеполитический курс США с ограничениями в отношении высокотехнологичной сферы КНР (так называемая война чипов). Этому сопутствует растущий интерес Вашингтона к Азиатско-Тихоокеанскому региону, выраженный в концепции «Поворот к Азии» (*Pivot to Asia*) администрации Б. Обамы. Описанные процессы оказывают непосредственное влияние на глобальную систему и в том числе на Ближний Восток.

Предметом исследования в данной статье являются особенности китайско-американского противостояния в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). Для его анализа поставлены следующие задачи: рассмотреть теоретический и практический аспекты внешнеполитической деятельности в регионе БВСА в программных документах КНР; проанализировать действия США в регионе, направленные на сдерживание КНР. В исследовании противостояние Пекина и Вашингтона рассматривается исключительно в регионе БВСА. Он охватывает территорию от Ближнего Востока до Северной Африки, включая все арабские государства и Израиль¹. Таким образом, термин БВСА и его территориальные рамки в статье будут отличаться от похожего англоязычного термина *Middle East and North Africa (MENA)*, который охватывает также Турцию и Иран.

Актуальность исследования определяется в первую очередь стратегической важностью региона с точки зрения ресурсов и геополитического положения. Не менее значимым представляется анализ основных сфер сотрудничества КНР с государствами региона, которое вызывает опасения в США. Помимо этого, на фоне накопления противоречий между ведущими государствами и роста конфликтности в регионе актуальность представляет рассмотрение особых черт американо-китайского противостояния в регионе БВСА.

Стратегическая важность региона

БВСА стратегически важен для ряда великих и региональных держав за счет комбинации нескольких факторов. Наиболее очевидным является наличие в регионе большого объема природных ресурсов, прежде всего энергетических. Так, на БВСА приходится до 50 % разведанных мировых запасов нефти

1 Такой охват не случаен, поскольку за развитие отношений именно с этими государствами отвечает Департамент Ближнего Востока и Северной Африки МИД России.

и 40 % разведанных запасов природного газа¹. Четыре государства БВСА: Саудовская Аравия, ОАЭ, Ирак и Кувейт – входят в список мировых лидеров по запасам нефти². Другим важным фактором является географическое положение ближневосточного региона как моста, соединяющего Азию, Африку и Европу. Через эту территорию также проходят несколько международных торговых путей, постоянное функционирование которых имеет стабилизирующее значение для мировой экономики. Речь идет об Ормузском проливе, через который проходит до 80 % нефтяного экспорта монархий Персидского залива³; о Баб-эль-Мандебском проливе, через который в 2020–2023 гг. перевезли около 1,6 млрд тонн грузов⁴; о Суэцком канале, который играет критически важную роль в международной морской торговле.

Ближний Восток во внешнеполитической деятельности КНР: теоретический аспект

Внешняя политика Пекина в регионе БВСА определяется рядом программных документов и инициатив, к которым относятся: «Один пояс, один путь» (ОПОП), «Региональная инициатива 1 + 2 + 3», «Арабская политика Китая», «Инициатива из пяти пунктов для достижения безопасности, мира и стабильности на Ближнем Востоке», а также глобальные инициативы КНР, объявленные в 2020-х годах. В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». В марте 2015 г. был опубликован документ под названием «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”». В отношении БВСА в тексте отмечена необходимость создания пути, связывающего КНР с Персидским заливом и Средиземным морем через Центральную и Западную Азию (Ближний Восток). В документе особая важность придается полной реализации потенциала многосторонних механизмов взаимодействия, в том числе китайско-арабского форума сотрудничества⁵.

В 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин на китайско-арабском форуме сотрудничества объявил о «Региональной инициативе партнерства 1 + 2 + 3». В 2016 г. она была дополнена программным документом «Арабская политика Китая»⁶. В обоих случаях политика КНР в регионе БВСА рассматриваются напрямую. В частности, каждая цифра в названии «Региональной инициативы партнерства 1 + 2 + 3» обозначает отдельную сферу сотрудничества: единица – энергетику, двойка – инфраструктуру, торговлю и инвестиции, тройка – высокие,

1 “Economics – Middle East and North Africa,” Council on Foreign Relations, November 21, 2024, accessed December 20, 2025, <https://education.cfr.org/learn/reading/economics-middle-east-and-north-africa>.

2 Козеняшева, М.М. Нефтегазовая политика Ближнего Востока // Форум «Глобальный энергетический диалог ИМЭМО». 30 ноября 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/seminars/EuropDialogues/Kozenyasha-va-30112022.pdf> (дата обращения: 24.11.2025).

3 “IMF – Strait of Hormuz – Daily Transit Calls & Transit Trade Volume,” MacroMicro, 2025, accessed October 20, 2025, <https://shorturl.at/jpaXe>.

4 “IMF – Bab-el-Mandeb Strait – Daily Transit Calls & Transit Trade Volume, MacroMicro, 2025, accessed October 20, 2025, <https://shorturl.at/d4i9D>.

5 “Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road,” Belt and Road Portal, March 30, 2015, accessed December 15, 2025, <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/1084.html>.

6 Fulton 2020.

ядерные и космические технологии. В этих документах детально рассматриваются все области взаимодействия Пекина с арабскими государствами региона¹. Как полагает китаевед Дж. Фултон, эти программы были созданы для интеграции региональной политики Пекина и инициативы «Один пояс, один путь»². Хотя Израиль в тексте не упоминается, история израильско-китайских отношений свидетельствует о том, что взаимодействие КНР с этим государством в целом развивалось в духе названных программ³.

Другой документ под названием «Инициатива из пяти пунктов для достижения безопасности, мира и стабильности на Ближнем Востоке» предлагает: 1) отстаивать взаимное уважение и поддерживать государства БВСА на их собственном пути развития; 2) поощрять равенство и справедливость, в том числе призывая к урегулированию палестино-израильского конфликта на двугосударственной основе; 3) поддерживать нераспространение ядерного оружия в регионе БВСА; 4) совместно укреплять коллективную безопасность и 5) ускорять развитие государств региона⁴. В «Глобальной инициативе безопасности» КНР содержится призыв к реализации указанной инициативы⁵. Уместно также отметить, что при реализации ближневосточной политики КНР полагается на «Пять принципов для мирного сосуществования», которые были впервые провозглашены в индийско-китайском соглашении 1954 г., а позже легли в основу итогового документа Бандунгской конференции: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; ненападение; невмешательство во внутренние дела; равенство и взаимная выгода; мирное сосуществование. Государства региона более симпатизируют подходу КНР, который выражается в уважении принципов национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Он значительно отличается от либерального международного порядка (известного также как «мир, основанный на правилах»), который продвигают западные государства, сосредотачивая внимание на поощрении демократических преобразований и либеральной идеологии, а также на защите прав человека.

Ближний Восток во внешнеполитической деятельности КНР: практический аспект

Регион БВСА стал играть более заметную роль в политике Пекина после прихода к власти Дэн Сяопина, при котором начался экономический подъем КНР, что, в свою очередь, привело к необходимости поиска новых источников углеводородов. Примечательно, что уже в 1993 г. Китай стал нетто-импортером нефти⁶. Этот факт можно считать стимулом, который привел к увеличению внешнеполитической и экономической активности Пекина на Ближнем Востоке. В 2000–2010-х гг. одновременно с ростом китайской экономики уве-

1 "China's Arab Policy Paper," The State Council of the People's Republic of China, January 13, 2016, accessed December 15, 2025, https://english.www.gov.cn/archive/publications/2016/01/13/content_281475271412746.htm.

2 Fulton 2020.

3 Микаелян, Морозов 2023, 79–115.

4 "Wang Yi Proposes a Five-Point Initiative on Achieving Security and Stability in the Middle East," The Embassy of the People's Republic of China in Jamaica, March 26, 2021, accessed December 17, 2025, <https://shorturl.at/3GmW2>.

5 "The Global Security Initiative Concept Paper," Xinhua, February 21, 2023, accessed December 17, 2025, <https://shorturl.at/a3xtV>.

6 Leung 2010, 933.

личивался объем импорта нефти и газа из государств БВСА (см. *Таблицу 1*). В 2020 г. Китай импортировал приблизительно 47 % нефти из пяти государств региона: Саудовской Аравии, Ирака, Омана, ОАЭ и Кувейта¹. В 2024 г. три ближневосточных государства: Саудовская Аравия, ОАЭ и Ирак – входили в список пяти крупнейших поставщиков нефти в Китай².

Таблица 1.

**ИМПОРТ ТОПЛИВНЫХ РЕСУРСОВ В КИТАЙ ИЗ ГОСУДАРСТВ БВСА, МЛН ДОЛЛ. США
CHINA'S FUEL IMPORT FROM MENA STATES, MLN USD**

Год	Стоимость импорта
1992	647
1997	3 221
2002	7 342
2007	41 962
2012	128 965
2017	85 219
2022	231 338

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

Сотрудничество в области энергетики также выражается в инвестициях государств БВСА в экономику КНР. В феврале 2024 г. саудовская нефтехимическая компания *SABIC* и китайская *Fujian Energy Petrochemical* заявили о начале строительства нефтехимического комплекса в провинции Фуцзянь³. В ноябре того же года *Saudi Aramco* и *Sinopec* приступили к строительству НПЗ в г. Чжанчжоу, а в апреле 2025 г. стороны учредили саудовско-китайскую компанию с капиталом в 3,9 млрд долл. США⁴. При этом интерес государств БВСА к КНР не ограничивается нефтяной сферой. В январе 2025 г. саудовская компания *ACWA Power* заявила о выходе на китайский рынок возобновляемых источников энергии и инвестициях в размере 312 млн долл. США для строительства солнечных и ветряных электростанций с суммарной выработкой электроэнергии в размере 1 ГВт⁵. В целом, можно констатировать, что исторически сотрудничество КНР с государствами БВСА в сфере энергетики имеет стратегический характер, подчеркивающий важное значение региона во внешней политике Пекина. В связи с этим уместно вспомнить, что сотрудничество в сфере энергетики упоминается первым в названии программы «Региональная инициатива 1 + 2 + 3»⁶.

Инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) и цифра 2 в программных документах КНР обозначают сотрудничество в области инфраструктуры,

1 Dale Aluf, "China's Reliance on Middle East Oil, Gas to Rise Sharply," *Asia Times*, December 30, 2021, accessed December 17, 2025, <https://asiatimes.com/2021/12/china-to-rely-more-on-middle-east-for-oil-and-gas/>.

2 Chen Aizhu, "China's Crude Oil Imports from Top Supplier Russia Reach New High in 2024," *Reuters*, January 20, 2025, accessed December 17, 2025, <https://shorturl.at/YN945>.

3 "SABIC and Fujian Energy Petrochemical Celebrate the Start of Construction for the SABIC Fujian Petrochemical Complex," *SABIC*, February 19, 2024, accessed, December 17, 2025, <https://www.sabic.com/en/news/42805-sabic-and-fujian-energy-petrochemical-celebrate-the-start-of-construction>.

4 "China's Sinopec Partners with Saudi Aramco's Unit in \$4 billion JV," *Reuters*, April 28, 2025, accessed December 23, 2025, <https://www.reuters.com/world/middle-east/chinas-sinopec-signs-4-billion-joint-venture-deal-with-saudi-aramcos-unit-2025-04-28/>.

5 "ACWA Power Marks Milestone Entry into China's Renewable Energy Market," *ACWA Power*, January 14, 2025, accessed December 23, 2025, <https://shorturl.at/kNnUU>.

6 Fulton 2020.

торговли и инвестиций. Необходимо отметить, что экономическое присутствие Китая в регионе значительно укрепилось после начала имплементации ОПОП. Например, 96 % прямых иностранных инвестиций из КНР в БВСА в 2005–2012 гг., то есть до реализации этой инициативы, направлялись в Ирак, Саудовскую Аравию, Сирию и Египет, при этом общая сумма составляла примерно 20 млрд долл. США¹. В 2013–2022 гг. объем прямых инвестиций вырос приблизительно до 159 млрд долл. США, а основными их получателями были ОАЭ, Саудовская Аравия, Израиль и Египет².

Фирмы из КНР активно участвуют в строительстве новой административной столицы Египта, при этом компания *China State Construction Engineering Corporation* завершила в 2023 г. строительство самого высокого небоскреба в Африке. Китайский бизнес также получил контракты на реализацию индустриальных проектов в Айн-Сохне на берегу Суэцкого канала и скоростной железной дороги, связывающей этот город с Эль-Аламейном. Компания *Sinohydro* занимается строительством электростанции с комбинированным циклом в Багдаде³. Однако интересы Пекина не ограничиваются арабскими государствами региона, в частности в Израиле компании *Shanghai International Port Group (SIPG)* и *China Harbour Engineering Company (CHEC)* получили тендеры на строительство и модернизацию портов в Хайфе и Ашдоде соответственно. По контракту *SIPG* также получила возможность управлять терминалом нового грузового порта Хайфы в течение 25 лет. Китайский бизнес в Израиле вовлечен и в реализацию ряда крупных инфраструктурных проектов⁴. Например, компания *China Railway Construction Corporation (CRCC)* построила ветку метро в Тель-Авиве, а также надземную линию в Мекке (Саудовская Аравия) и теперь управляет ей⁵.

Как отмечалось выше, третий пункт в программных документах затрагивает сотрудничество в сфере высоких технологий и ядерной энергетики. Партнерство в области информационных технологий особенно заметно при рассмотрении израильско-китайских отношений. Так, около 50 израильских предприятий из этой сферы были куплены китайскими фирмами либо стали получателями инвестиций из КНР. Например, китайская *Huawei* приобрела компании *Toga Networks* и *Hexatier* и превратила их в центры разработки технологий для своих нужд на территории Израиля⁶. Ошибочно считать, что партнерство в технологической сфере применимо исключительно к израильскому направлению ближневосточной политики Пекина. Однако выделим одну особенность: Китай заинтересован в Израиле как в источнике передовых технологий, в то время как в случае с арабскими государствами уже сам Пекин является поставщиком новых способов производства.

Арабские государства заинтересованы в высоких технологиях из Китая для диверсификации своих экономик. Наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед

1 Lim, Yağcı 2023, 553–556.

2 "China. Middle East," China Mediterranean, accessed December 15, 2025, <https://www.chinamed.it/chinamed-data/middle-east>.

3 "Belt and Road Initiative. The View from the Middle East and North Africa," CMS, 2021, accessed December 4, 2025, <https://shorturl.at/wN6b4>.

4 Микаелян, Морозов 2023, 152–153.

5 "Belt and Road Initiative. The View from the Middle East and North Africa."

6 Микаелян, Морозов 2023, 148–149.

бен Салман заявлял, что ОПОП является одним из столпов для реализации программы реформ «Видение 2030», при этом похожая оценка в отношении китайской инициативы и ее позитивной роли звучит в Кувейте в контексте проекта «Новый Кувейт 2035»¹. Что касается сотрудничества, то компания *Huawei* в 2016 г. подписала контракт с властями Дубая на поставку технологий умного города для их использования в свободной экономической зоне *Dubai South Business Park*. Компания также активно работает в Саудовской Аравии. В частности, она является одним из основных поставщиков инфраструктуры для нужд *Saudi Telecom Company*. Более того, *Huawei* получила контракт на предоставление 5G-технологий и технологии «умный город» для семнадцати городов королевства, в том числе для Неома – одного из флагманских проектов Саудовской Аравии².

Что касается сотрудничества в сфере ядерной энергетики, то оно упоминается не только в программных документах китайской внешней политики, но и в совместных коммюнике по итогам Форума сотрудничества Китая и арабских стран (CASCF)³. В 2017 г. Китайская национальная атомная корпорация (CNNC) и власти Саудовской Аравии подписали соглашение об исследовании добычи урана из морской воды⁴. В том же году CNNC и Геологическая служба Саудовской Аравии подписали два меморандума о взаимопонимании при сотрудничестве в области добычи урана и тория, при этом китайская сторона обращает внимание, что эти соглашения реализуются в рамках инициативы «Один пояс, один путь»⁵. Председатель КНР Си Цзиньпин в 2022 г. в речи на первом Китайско-арабском форуме сотрудничества в Саудовской Аравии сосредоточил внимание на ядерной сфере, отметив, что Пекин и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) создадут форум по мирному использованию ядерных технологий, а также демонстрационный центр ядерной безопасности⁶. В апреле 2025 г. был проведен первый форум КНР – ССАГПЗ о мирном использовании ядерных технологий, в ходе которого участники обратили внимание на успешное сотрудничество в ядерной сфере, в частности на соглашение о поставке ядерного топлива в ОАЭ, экспорт оборудования для обнаружения радиационного излучения в Саудовскую Аравию, ОАЭ и Катар и сотрудничество с университетами Омана, Бахрейна и Кувейта в области ядерной медицины⁷.

Примечательно, что CNNC, российский «Росатом» и корейская *Korea Electric Power Corporation (KEPCO)* выражали желание принять участие в тендере Саудовской Аравии на строительство первой в королевстве АЭС⁸. Отметим, что в 2022 г. CNNC открыла свое представительство на Ближнем Востоке в Эр-Рияде

1 Савичева et al. 2022, 190–192.

2 Mogielnicki 2021, 283–284.

3 Murphy 2022, 79–87.

4 “CNNC and Saudi Arabia Collaborate on Uranium Extraction from Seawater,” China Atomic Energy Authority, July 31, 2017, accessed December 15, 2025, <https://www.caea.gov.cn/english/n6759361/n6759363/c6794014/content.html>.

5 “CNNC and Saudi Arabia Expedite Uranium and Thorium Collaborations,” China Atomic Energy Authority, September 9, 2017, accessed December 4, 2025, <https://www.caea.gov.cn/english/n6759361/n6759363/c6793231/content.html>.

6 Vivian Nereim, “China to Cooperate With Gulf Nations on Nuclear Energy and Space, Xi Says,” *The New York Times*, December 9, 2022, accessed December 4, 2025, <https://www.nytimes.com/2022/12/09/world/middleeast/china-saudi-arabia-gulf-summit.html>.

7 “China, GCC Countries to Deepen Peaceful Nuclear Tech Cooperation,” China Atomic Energy Authority, April 21, 2025, accessed December 4, 2025, www.caea.gov.cn/english/n6759509/c10660669/content.html.

8 Summer Said, “Saudi Arabia Eyes Chinese Bid for Nuclear Plant,” *The Wall Street Journal*, August 25, 2023, accessed December 15, 2025, <https://www.wsj.com/world/middle-east/saudi-arabia-eyes-chinese-bid-for-nuclear-plant-e4a56f>; Salam Al-Obaidy, “Interview: Rosatom Ready to Take on Competition for KSA’s Nuclear Energy Requirements, Says Russian Exec,” *Arab News*, September 24, 2023, accessed December 15, 2025, www.arabnews.com/node/2379456/middle-east.

(Саудовская Аравия). При этом филиалы *CNNC* также работают в ОАЭ и Алжире¹. Впрочем, несмотря на внимание китайской стороны, компания *CNNC* ко времени написания данной статьи так и не получила контракт на строительство АЭС. Двумя компаниями, реализующими проекты по созданию таких станций в регионе БВСА, являются вышеупомянутые *KEPCO* (в Абу-Даби, ОАЭ) и Росатом (в Эль-Дабаа, Египет). В СМИ были публикации о том, что США после прихода к власти второй администрации Д. Трампа возобновили переговоры с Эр-Риядом о сотрудничестве в ядерной области². Это может негативно повлиять на шансы *CNNC* и проект по строительству АЭС в Саудовской Аравии. Рассмотренные примеры сотрудничества, представляющие собой реализацию программных документов внешней политики Китая, сопровождаются успешным использованием механизмов «мягкой силы», с помощью которых в регионе распространяются язык и культура КНР³. Такая политика приносит позитивные результаты, поскольку в Саудовской Аравии с 2024 г. китайский язык вошел в образовательную программу начальных и средних школ⁴.

Более того, нормализация ирано-саудовских отношений в 2023 г. является дипломатическим успехом Пекина и доказательством укрепления роли КНР как внерегионального актора в регионе БВСА. Это также является практической реализацией «Инициативы из пяти пунктов» 2021 г., нацеленной на снижение напряженности между Саудовской Аравией и Ираном для обеспечения региональной стабильности и взаимовыгодного сотрудничества Пекина со всеми государствами. Хотя ожидаемая китайской стороной нормализация отношений в регионе не произошла⁵, позиция Пекина по поводу эскалации палестино-израильского конфликта после 7 октября 2023 г. была позитивно воспринята государствами БВСА, кроме Израиля. КНР призывает к урегулированию палестино-израильского конфликта на основе двугосударственного принципа⁶ и прилагает усилия для объединения палестинских фракций, что выразилось в подписании Пекинской декларации летом 2024 года⁷.

Реакция США на ближневосточную политику КНР

Укрепление присутствия Китая в регионе и реализация инициативы «Один пояс, один путь» вызвали беспокойство в США. В некоторых сферах сотрудничество КНР с государствами БВСА воспринимается в США с опасением. Во-первых, углубляется торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество Пекина практически со всеми государствами БВСА и, соответственно, усиливается экономическое присутствие КНР в регионе, в результате чего Китай становится

1 "Middle East," China National Nuclear Corporation, September 29, 2024, accessed December 15, 2025, https://en.cnncc.com.cn/2024-09/29/c_1035464.htm.

2 Vivian Nereim, "U.S. Revives Talks with Saudi Arabia on Transfer of Nuclear Technologies," *The New York Times*, April 13, 2025, accessed December 15, 2025, <https://shorturl.at/Ffjbo>.

3 Бредбани, Нахро 2024, 31.

4 Haifa Alshammari, "Saudi Arabia Begins Chinese-Language Classes at Schools," *Arab News*, September 10, 2024, accessed December 15, 2025, <https://www.arabnews.com/node/2570858/amp>.

5 "China-Brokered Saudi-Iran Deal Driving 'Wave of Reconciliation,'" *Says Wang*, *Al-Jazeera*, August 21, 2023, accessed December 15, 2025, <https://aje.io/t13pr9>.

6 "Foreign Ministry Spokesperson's Remarks on the Escalation of Tensions between Palestine and Israel," Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, October 8, 2023, accessed December 15, 2025, www.mfa.gov.cn/eng/xw/fyrbt/fyrbt/202405/t20240530_11349819.html.

7 "Al-fasail al-filastiniya tuuqi'u a'la i'lan li-'inha' al-inqisam aqba muhadathat fi s-sin (Palestinian Factions Sign Declaration to End Division after Negotiations in China)," *Al-Jazeera*, July 23, 2023, accessed December 15, 2025, <https://aja.ws/o57s43>.

одним из самых крупных торговых партнеров этих государств. Во-вторых, КНР и ее компании участвуют в реализации крупных инфраструктурных проектов: от железных дорог и прокладки туннелей до строительства электростанций и грузовых портов. В-третьих, распространение китайских высоких технологий, в том числе 5G, воспринимается в США как угроза безопасности и вызов для монополии американских технологических компаний. Более того, в 2017 г. в Джибути Пекин открыл первую военную базу за пределами КНР для защиты своих экономических интересов в регионе, что также было негативно воспринято в США¹. Вашингтон предпринял шаги, направленные на сдерживание присутствия КНР в регионе. Их можно разделить на две группы: диалог с государством или давление на него с требованием ограничить контакты с Пекином; региональные инициативы для уменьшения китайского влияния.

В рамках первой группы можно выделить пример влияния США на израильско-китайские отношения. Впервые оно проявилось в конце 1990-х – начале 2000-х гг., когда под давлением Вашингтона Тель-Авив был вынужден аннулировать контракты с КНР на поставку радара *Phalcon* и модернизацию беспилотных летательных аппаратов *IAI Harpy*, которые Пекин закупил у Израиля в 1994 году². После этих инцидентов стороны свернули военно-техническое сотрудничество и сосредоточили внимание на вопросах торгово-экономического взаимодействия. Несмотря на увеличение экономического присутствия КНР в Израиле, США не реагировали на это. Ситуация изменилась в конце 2010-х гг. после прихода к власти первой администрации Д. Трампа, когда американцы стали высказывать обеспокоенность и недовольство из-за слишком тесного сотрудничества между Израилем и КНР. При этом критика звучала в адрес компаний *CHEC* и *SIPG*, участвовавших в работах по строительству и модернизации портов Хайфы и Аш-дода³. США также были недовольны большим интересом китайских компаний к израильским высоким технологиям и обратились к Тель-Авиву с настоятельной просьбой учредить специальный орган по надзору за иностранными инвестициями, который израильские власти создали в 2019 году⁴.

Интенсификация противостояния США и КНР повлияла на израильско-китайские отношения, поскольку в Израиле стал все ярче проявляться тренд на отказ от услуг фирм из КНР. В частности, с 2019 г. сокращается число контрактов, которые китайские компании получили на тендерах в Израиле⁵. В 2024 г. атташе по экономическим вопросам в посольстве США в Израиле выразил недовольство по поводу возможного контракта между Израилем и китайской компанией *CRRC* на поставку вагонов для метро Иерусалима – в результате министерство финансов Израиля отказалось от соглашения⁶. Тем не менее было бы опрометчиво утверждать, что в Тель-Авиве сделали выбор в пользу развития контактов исклю-

1 Melese 2022, 243–251.

2 Строкань, С. Израиль заплатит Пекину за непроданные радары // Коммерсантъ. 15 марта 2002. [Электронный ресурс]. URL: www.kommersant.ru/doc/314348 (дата обращения: 14.12.2025).

3 Микаелян, Морозов 2023, 121–122.

4 "Under Pressure from US, Israel Forms Panel to Examine Foreign Investments," *The Times of Israel*, October 30, 2019, accessed December 15, 2025, www.timesofisrael.com/under-pressure-from-us-israel-forms-panel-to-examine-foreign-investments/.

5 Lavi 2022.

6 Adrian Pilut, "Hashlakhot rekhavot: pesilat CRRC ha-sinit meha-kav ha-kakhol asuyah la'alot la-meshek ad milyard shekel (Serious Repercussions: Termination of Services of China's CRRC in Blue Line Will Cost Country Billion Shekels)," *Ynet*, April 16, 2025, accessed December 15, 2025, www.ynet.co.il/economy/article/bygcoztaye.

чительно с США. Как видится, руководство Израиля проводит политику «хождения между каплями дождя», цель которой, с одной стороны, заключается в том, чтобы сохранить экономическое сотрудничество с КНР, а с другой – сделать все возможные шаги для снятия опасений со стороны США. Отметим, что экспертное сообщество Израиля призывает власти продолжать реализацию этой стратегии¹. Более того, директор центра китайских исследований в Институте исследования национальной безопасности при Тель-Авивском университете А. Орион считает, что руководство Израиля должно обращать внимание на «красные линии» не только Вашингтона, но и Пекина². В то же время в 2025 г. израильские власти на уровне главы правительства и посла в США подвергли критике КНР и заявили о поддержке США в американско-китайском противостоянии³.

Пример Израиля является самым ярким, но не единственным. Развитие кита́йско-эмиратского взаимодействия вызвало трения между США и ОАЭ. В Вашингтоне были недовольны фактом тесного сотрудничества эмиратской компании *Group 42 Holdings (G42)* с *Huawei* в области искусственного интеллекта (ИИ). В США полагали, что *G42* передает китайской стороне американские технологии, при этом данный вопрос поднимался на встрече советника президента США по национальной безопасности Дж. Салливана с его эмиратским коллегой шейхом Т. бин Зайедом⁴. США, рассматривая сотрудничество ОАЭ и КНР как угрозу своей безопасности и интеллектуальной собственности, ограничили *G42* доступ к чипам компаний *Nvidia* и *AMD*, которые используются для разработок в сфере ИИ⁵. В связи с этим *G42* была вынуждена продать все свои активы в китайских компаниях, сделав выбор в пользу соглашения с *Microsoft*. По его условиям эмиратская фирма получила доступ к новейшим чипам американского производства⁶.

В 2021 г. внимание США привлекли сообщения о том, что ОАЭ якобы позволили китайской стороне начать строительство военной базы в порту Абу-Даби⁷. Это привело к приостановке переговоров о поставках в ОАЭ истребителей пятого поколения *F-35* и ударных БПЛА *MQ-9 Reaper*, при этом в 2024 г. власти арабского государства заявили, что не планируют возобновлять переговоры с США о покупке вооружений⁸. Более того, в 2023 г. на фоне противоречий в отношениях с Вашингтоном ОАЭ решили закупить партию китайских учебно-боевых самолетов *L-15*⁹, тем самым показав, что, несмотря на давление американской стороны,

1 Eran et al. 2023.

2 "Drakon be-midbar – perek 8 ve-akharon. Ha-meoravut vеха-astrategiya shel Sin be-mizrakh ha-tikhon vеха-mashmauyot le-Israel (In Desert – Episode 8. China's Involvement and Strategy in the Middle East and What It Means for Israel)," YouTube, April 10, 2025, December 15, 2025, https://youtu.be/PBvrv1z-KUc?si=l_kFOylwrUP815f1.

3 Itamar Eichner, "Haashamot Netanyahu, ha-'zaazua' shel Sin – uma omed meakhorei hakhrifat ha-yakhasim im ha-maatzama (Netanyahu's Accusations, China Is 'Shocked' – What's behind Deterioration of Ties with Great Power)," September 19, 2025, accessed December 15, 2025, <https://shorturl.at/pon47>.

4 Mark Mazetti, and Edward Wong, "Inside U.S. Efforts to Untangle an A.I. Giant's Ties to China," The New York Times, November 27, 2023, accessed December 15, 2025, www.nytimes.com/2023/11/27/us/politics/ai-us-uae-china-security-g42.html.

5 Stephen Nellis, and Max A. Cherney, "US Curbs AI Chip Exports from Nvidia and AMD to Some Middle East Countries," Reuters, August 31, 2023, accessed December 15, 2025, www.reuters.com/technology/us-restricts-exports-some-nvidia-chips-middle-east-countries-filing-2023-08-30/.

6 Paul Mozur, and David E. Sager, "Microsoft Makes High-Stakes Play in Tech Cold War with Emirati A.I. Deal," The New York Times, April 16, 2024, accessed December 15, 2025, www.nytimes.com/2024/04/16/technology/microsoft-g42-uae-ai.html.

7 Gordon Lubold, and Warren P. Strobel, "Secret Chinese Port Project in Persia Gulf Rattles U.S. Relations With U.A.E.," The Wall Street Journal, November 19, 2021, accessed December 15, 2025, www.wsj.com/articles/us-china-uae-military-11637274224.

8 "UAE Does Not Plan to Re-Open F-35 Fighter Jet Talks with US," Reuters, September 14, 2024, accessed December 15, 2025, www.reuters.com/business/aerospace-defense/uae-does-not-plan-re-open-f-35-fighter-jet-talks-with-us-uae-official-2024-09-14/.

9 Choi Wonwoo, "UAE Receives First Batch of Chinese L-15 Falcons," The Aviationist, November 8, 2023, accessed December 15, 2025, <https://theaviationist.com/2023/11/08/uae-receives-l-15-falcons/>.

ОАЭ стараются сохранять сбалансированную позицию. В частности, советник президента ОАЭ по дипломатическим вопросам А. Гаргаш в 2022 г. заявил: «ОАЭ не заинтересованы в том, чтобы выбирать какую-либо сторону в отношениях между великими державами. Наш приоритет заключается в том, что ни при каких обстоятельствах мы не пожертвуем своим суверенитетом»¹.

Аналогичная ситуация наблюдается в Саудовской Аравии, которая ведет политику балансирования, развивая взаимовыгодные отношения как с США, так и с КНР. Государственный министр по внешней политике А. Аль-Джубейр отмечал: «Перед королевством не стоял вопрос о выборе между США и Китаем. <...> Мы хотим взаимодействовать с каждым и строить отношения с каждым»². Сооружение второго облачного центра *Alibaba* в ОАЭ в 2025 г., деятельность компании *SCCC Alibaba Cloud* и развитие облачного сервиса *Tencent* в Саудовской Аравии подтверждают тезисы официальных лиц двух этих государств³.

Инициативы администрации Байдена, выдвинутые в 2022–2023 гг.: создание формата сотрудничества *I2U2* с участием Индии, Израиля, США и ОАЭ, а также учреждение в 2023 г. экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа (*IMEC*) – можно рассматривать как вторую группу ответных действий США против КНР и ОПОП. Общей чертой двух описанных форматов является участие не только США, но и Индии, при этом упоминание последней не случайно. Нью-Дели выстраивает качественно новые отношения с Вашингтоном. В США все возрастает интерес к Азиатско-Тихоокеанскому региону, при этом Индия стабильно упоминается в Стратегиях национальной безопасности США с 2002 г., когда она впервые была охарактеризована как «потенциальная великая демократическая держава XX века»⁴. В документе от 2010 г. уже отмечается развитие стратегического партнерства между США и Индией, а также подчеркивается рост влияния азиатского государства в мире⁵. Похожий посыл сохраняется в стратегии 2015 г., при этом отмечается факт конкуренции США с КНР⁶. В документах от 2017 и 2022 гг. Индия названа растущей и лидирующей глобальной державой, при этом государство упоминается как участник объединений *I2U2* и *QUAD*, а также как сильный стратегический партнер США в сфере безопасности⁷. Таким образом, прослеживается рост заинтересованности США в развитии контактов с Индией по мере обострения американо-китайской конкуренции в Азии. Примечательно, что потенциальное военное присутствие Индии в регионе БВСА рассматривается как

1 Anjana Sankar, "UAE Has No Interest in Choosing Sides Between Great Powers, Says Anwar Gargash," The National News, November 14, 2022, accessed December 15, 2025, <https://shorturl.at/P5jd>.

2 Мелкумян 2024.

3 "Tencent Cloud Accelerates Saudi Expansion with New Data Region, AI services," Arab News, September 20, 2025, accessed October 16, 2025, <https://arab.news/muce3>; "Alibaba's Cloud Business Launches Second Data Centre in Dubai," Reuters, October 14, 2025, accessed December 16, 2025, <https://www.reuters.com/world/middle-east/alibabas-cloud-business-launches-second-data-centre-dubai-2025-10-14/>; "SSC Product Portfolio," STC, May 19, 2024, accessed December 16, 2025, <https://www.stc.com.sa/content/dam/corporatesite/common/business/pdf/sccc-202405.pdf>.

4 "National Security Strategy of the United States of America," The White House, December 2002, accessed December 16, 2025, <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2002/nss4.html>.

5 "National Security Strategy of the United States of America," The White House, May 2010, accessed December 15, 2024, https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf.

6 "National Security Strategy of the United States of America," The White House, February 2015, accessed December 16, 2025, https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf.

7 "National Security Strategy of the United States of America," The White House, December 2017, accessed December 15, 2025, <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>; "National Security Strategy of the United States of America," The White House, October 2022, accessed December 15, 2025, <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

мера, отвечающая интересам США и Израиля для противодействия китайскому влиянию¹. Нью-Дели поступательно расширяет региональное присутствие, что также выражается в увеличении частоты военных учений и контактов по вопросам обороны².

Формат *I2U2* был учрежден 14 июля 2022 г. на встрече глав США, ОАЭ, Израиля и Индии. Его реализация была бы невозможна без усилий США, приведших к подписанию «Авраамических соглашений»³. Участники заявляли о продвижении сотрудничества в области энергетики, транспорта, здравоохранения и водных ресурсов. Особое внимание уделяется продовольственной безопасности и «продовольственному коридору» из Индии в Европу, в рамках которого ОАЭ инвестируют 2 млрд долл. в серию парков для производства продуктов питания в Индии. Это государство, в свою очередь, предоставит земельные участки для этого проекта и стимулирует местных фермеров интегрировать производство в систему продовольственных парков. Бизнес и частные лица из США и Израиля окажут проекту экспертную поддержку и предоставят свои инновации. Его задача заключается в том, чтобы увеличить урожайность в Индии, что, по мнению разработчиков, поспособствует борьбе с нехваткой продовольствия в Южной Азии и на Ближнем Востоке⁴. Предполагается, что при помощи США и Израиля выращенная в Индии сельскохозяйственная продукция будет перевозиться в ОАЭ, где она будет проходить процесс переработки, после чего товары будут экспортировать в Европу по железнодорожному пути из ОАЭ через Саудовскую Аравию, Иорданию и Израиль⁵. В Европу готовая продукция будет отбывать через старый порт Хайфы, который в январе 2023 г. был приватизирован индийским конгломератом *Adani Group* в партнерстве с израильской компанией *Gadot* за 1,5 млрд долл.⁶

IMES, о создании которого США, Индия, ОАЭ, Саудовская Аравия, Италия, ФРГ, Франция и ЕС объявили на полях саммита *G20* в сентябре 2023 г. в Нью-Дели, можно рассматривать как формат, дополняющий *I2U2*⁷. В рамках проекта, нацеленного на укрепление экономической интеграции между Азией, регионом Персидского залива и Европой, государства-участники обязались создать два коридора. Восточный коридор объединит Индию и государства Персидского залива, а северный – регион Персидского залива и Европу. Хотя Израиль в этом проекте не участвует, в учредительном документе подчеркивается, что строительство железнодорожного пути с Аравийского полуострова в Израиль позволит осуществлять перевозки из Индии в Европу через территории ОАЭ, Саудовской Аравии, Иордании и Израи-

1 Yoel Guzansky, "I2U2: Maarakh al-azori hadash hithavut? (I2U2: New Inter-Regional Structure in the Making?)" The Institute for National Security Studies, June 30, 2022, accessed December 15, 2025, <https://shorturl.at/NJf5g>.

2 Blarel 2024, 547.

3 "Joint Statement of the Leaders of India, Israel, United Arab Emirates and the United States (I2U2)," Israel Prime Minister's Office, July 14, 2022, accessed December 16, 2025, <https://shorturl.at/rQQBI>.

4 Ibid.

5 Michael Tanchum, "The India-Middle East Food Corridor: How the UAE, Israel, and India Are Forging a New Inter-Regional Supply Chain," Middle East Institute, July 27, 2022, accessed December 16, 2025, <https://www.mei.edu/publications/india-middle-east-food-corridor-how-uae-israel-and-india-are-forging-new-inter>.

6 "Adani-Led Group Completes Purchase of Israel's Haifa Port," Reuters, January 10, 2023, accessed December 16, 2025, <https://www.reuters.com/markets/commodities/adani-led-group-completes-purchase-israels-haifa-port-2023-01-10/>.

7 "US, India, Saudi, EU Unveil Rail, Ports Deal on G20 Sidelines," Reuters, September 9, 2023, accessed December 16, 2025, <https://www.reuters.com/world/us-india-saudi-eu-unveil-rail-ports-deal-g20-sidelines-white-house-official-2023-09-09/>.

ля¹. Предполагается, что реализация двух этих проектов принесет экономическую выгоду государствам-участникам, прежде всего государствам БВСА, через которые будет происходить транзит товаров, а также приведет к укреплению экономической интеграции. Особую выгоду может получить Израиль, который будет выполнять роль транспортного хаба как в *I2U2*, так и в *IMEC*. Впрочем, этот тезис правдив и в отношении ОАЭ и Саудовской Аравии.

Проект *IMEC* имеет важное значение для США в контексте конкуренции с КНР. Издание *Politico* называет его альтернативой китайской инициативе «Один пояс, один путь» и ключевым элементом в азиатской политике администрации Дж. Байдена, отмечая, что при ней резко возрос интерес США к Индии². Однако, как полагает профессор Иерусалимского института стратегии и безопасности Э. Инбар, для эффективной конкуренции с форматом ОПОП коридор *IMEC* нужно продолжить на восток и включить в него Республику Корея, Японию и Австралию. В этом случае получится большой логистический пояс из АТР в Европу через Индию и Ближний Восток³. Что касается участников *IMEC* в регионе БВСА, то в проекте участвует ряд государств, которые имеют высокий уровень сотрудничества с КНР и являются членами ОПОП. Впрочем, *IMEC* сталкивается с рядом проблем. В частности, неизвестно какая сторона будет финансировать строительство необходимой инфраструктуры, в особенности железной дороги. Не менее важен тот факт, что путь из порта Хайфы в Европу проходит через территориальные воды в восточном районе Средиземного моря, контроль над которым оспаривается Турцией⁴, при этом ее президент подчеркивал, что никакой коридор без участия этого государства невозможен⁵.

Учитывая эскалацию палестино-израильского конфликта, неоднозначную реакцию арабских государств на действия Армии обороны Израиля в секторе Газа и рост напряженности в регионе БВСА, реализация *IMEC* в краткосрочной и среднесрочной перспективах видится маловероятной. Более того, возникают вопросы о ее целесообразности, поскольку из порта Хайфы по этому коридору продукция будет прибывать в греческий порт Пирей, 67 % акций которого контролирует компания *COSCO*⁶.

Отдельного рассмотрения заслуживает и технологический аспект. Так, в 2021 г. фирма *Google* заявила о начале совместной работы с итальянской телекоммуникационной компанией *TI Sparkle* над реализацией проекта межконтинентальных оптоволоконных систем кабельной связи *Blue* и *Raman*, которые

1 "Memorandum of Understanding on the Principles of an India - Middle East - Europe Economic Corridor," The White House, September 9, 2023, accessed December 16, 2025, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/09/memorandum-of-understanding-on-the-principles-of-an-india-middle-east-europe-economic-corridor/>.

2 Anchal Vohra, "The Uncertain Future of the India-Middle East-Europe Corridor," *Politico*, December 23, 2023, accessed December 16, 2025, <https://www.politico.eu/article/the-uncertain-future-of-the-india-middle-east-europe-corridor/>.

3 Efraim Inbar, "Ha-misderon me-Hodu le-Eiropa tsarikh lalekheth gam mizrakha (Corridor from India to Europe Must Go East)," The Jerusalem Institute for Strategy and Security, October 8, 2023, accessed December 16, 2025, <https://jiss.org.il/he/inbar-the-new-us-led-india-middle-east-europe-corridor-2/>.

4 Anchal Vohra, "The Uncertain Future of the India-Middle East-Europe Corridor."

5 "Erdogan Says No India-Mideast-EU Economic Corridor Without Turkiye," *Middle East Monitor*, September 12, 2023, accessed December 16, 2025, <https://www.middleeastmonitor.com/20230912-erdogan-says-no-india-mideast-eu-economic-corridor-without-turkiye/>.

6 Alberto Rizzi, "The Infinite Connection: How to Make the India-Middle East-Europe Economic Corridor Happen," *European Council on Foreign Relations*, April 23, 2024, accessed January 16, 2026, <https://shorturl.at/1cjul>.

должны соединить Ближний Восток с Южной Европой и Азией¹. Эти проекты, по сути, имеют ту же цель, что и *IMEC*, согласно которому государства-участники заявили о намерениях проложить телекоммуникационные и электросетевые кабели². Упоминания заслуживает и американская инициатива «Чистая сеть» (*The Clean Network*), о реализации которой в августе 2020 г. объявил госсекретарь США М. Помпео. Заявленная задача – устранение угроз в адрес безопасности, неприкосновенности персональных данных и прав человека, однако истинной целью является выступление против распространения 5G-технологий из КНР, в частности, против компании *Huawei*, поскольку в одобренный список так называемых чистых 5G-компаний входят исключительно предприятия из западных государств: Индии, Республики Корея, Японии и Республики Китай (Тайвань)³.

Таким образом, если сложить воедино задачи, декларируемые во всех приведенных выше случаях, можно заметить, что они имеют не только прямую или косвенную антикитайскую направленность, но также дополняют друг друга. Однако США при реализации этих проектов сталкиваются с проблемами. В частности, из государств региона инициативу «Чистая сеть» поддержал только Израиль⁴. В то же время Саудовская Аравия и ОАЭ, по территории которых должен пройти *IMEC*, тесно сотрудничают с китайскими телекоммуникационными и технологическими компаниями⁵.

Несмотря на ряд проблем с воплощением заложенных в *IMEC* идей, интерес к реализации проекта и созданию новых путей для доставки продовольствия и энергетических ресурсов в Европу сохраняется, о чем свидетельствует тот факт, что в феврале 2024 г. президент Франции Э. Макрон назначил бывшего председателя совета директоров французской энергетической компании *Engie* Ж. Местралле специальным представителем по вопросу *IMEC*⁶. Глава МИД Индии С. Джайшанкар, в свою очередь, в мае 2024 г. заявлял, что его государство крайне серьезно настроено на реализацию *IMEC*⁷. Более того, несмотря на эскалацию напряженности в регионе БВСА, восточный коридор, соединяющий Индию с ОАЭ, существует уже сейчас, о чем свидетельствует рост двусторонней торговли между Нью-Дели и Абу-Даби с 43,3 млрд долл. в 2020–2021 гг. до 83,6 млрд долл. в 2022–2023 годах⁸. Функционирование коридора стабильно продолжалось до нападения Израиля и США на Иран в феврале 2026 г. и последующей эскалации напряженности. Блокада Ормузского пролива в марте 2026 г. привела к тому, что некоторые крупные индийские компании-перевозчики решили ограничить или запретить проход судов через Ормузский пролив и Красное море, из-за чего

1 “Announcing the Blue and Raman Subsea Cable Systems,” Google Cloud, July 29, 2021, accessed December 16, 2025, <https://shorturl.at/umKMz>.

2 “Memorandum of Understanding on the Principles of an India – Middle East – Europe Economic Corridor,” The White House, September 9, 2023, accessed December 16, 2025, <https://shorturl.at/CeRpE>.

3 “The Clean Network,” U.S. Department of State, accessed December 15, 2025, <https://2017-2021.state.gov/the-clean-network/>.

4 Leoni 2023, 96.

5 Mogielnicki 2021, 283–284.

6 “France’s Macron Names Envoy for Future Europe-Middle East-India Corridor,” NDTV, February 12, 2024, accessed December 16, 2025, <https://www.ndtv.com/world-news/frances-macron-names-envoy-for-future-europe-middle-east-india-corridor-5043445>.

7 Subhanyan Chakraborty, “CII Business Summit: Dead Serious about IMEC, Says EAM Jaishankar,” Business Standard, May 18, 2024, accessed December 16, 2025, https://www.business-standard.com/economy/news/dead-serious-about-imec-focused-on-re-engineering-logistics-map-eam-124051701168_1.html.

8 Afaq Hussain, and Akhtar Malik, “A Mixed Report Card for the India-Middle East-Europe Corridor,” The Hindu, November 13, 2024, accessed December 15, 2025, <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/a-mixed-report-card-for-the-india-middle-east-europe-corridor/article68859565.ece>.

стоимость морских перевозок из Индии в Европу выросла с 1200–1800 долл. США за один контейнер до 2500¹. В то же время 23 марта 2026 г. два танкера под индийским флагом смогли пройти через Ормузский пролив, при этом ранее другой танкер из Индии смог загрузить нефть в порту Фуджейра и направиться в Мумбаи, несмотря на то что нефтяной терминал подвергся атаке из Ирана².

Тем не менее судьба западного коридора из БВСА в Европу до сих пор остается под вопросом из-за эскалации палестино-израильского конфликта и напряженности на израильско-ливанской границе. С другой стороны, активность йеменских хуситов в ответ на действия Израиля в секторе Газа и, как следствие, усложнение навигации в Красном море, наоборот, подчеркивают необходимость и актуальность реализации намеченных региональных инициатив. В связи с этим вице-председатель индийского центра *Observer Research Foundation* Х.В. Пант считает, что эскалация 2026 г. только усиливает важность реализации *IMEC* и что судьба проекта будет в значительной степени зависеть от результатов вооруженного конфликта с Ираном³.

Более того, как показывает проведенный анализ, противодействие китайскому влиянию в регионе БВСА стало одной из черт ближневосточной политики США. Ее активизация началась при первой администрации Д. Трампа, как это можно заметить на примере влияния Вашингтона на состояние израильско-китайского взаимодействия. О том же свидетельствует изменение риторики в отношении Пекина в Стратегии национальной безопасности 2017 г., где КНР названа «ревизионистской державой, бросающей вызов США»⁴. Эта политика продолжилась при администрации Дж. Байдена, о чем свидетельствуют региональные инициативы *I2U2* и *IMEC*, а также влияние США на эмиратско-китайский диалог и акцент на конкуренцию с КНР в Стратегии национальной безопасности 2022 года⁵. О том, что противодействие КНР стало чертой американской политики в регионе БВСА вне зависимости от находящейся у власти партии, свидетельствуют также заявления, сделанные министром торговли США Дж. Раймондо после визита в Саудовскую Аравию и ОАЭ в 2024 г.: «Когда речь заходит о технологиях, вы не можете одновременно быть с нами и с Китаем»⁶. В данном высказывании также прослеживается особый интерес Вашингтона к конкуренции с Пекином в этой сфере.

Тем не менее анализ американских и китайских программных документов, а также заявлений, сделанных высшими должностными лицами, свидетельству-

- 1 Subhash Narayan, and Dharendra Kumar, "Indian Shipments Take Costlier, Longer Route to Europe amid US-Iran Tensions," Mint, March 2, 2026, accessed March 24, 2026, <https://www.livemint.com/economy/india-europe-trade-shipping-crisis-red-sea-impact-costs-11772437157800.html>.
- 2 Jonathan Saul, Nidhi Verma, and Saurabh Sharma, "Two India Tankers Pass through Hormuz as Trump-Iran Standoff Simmers," March 23, 2026, accessed March 24, 2026, <https://www.reuters.com/business/energy/gas-tankers-sail-through-hormuz-india-most-ships-still-stuck-data-shows-2026-03-23/>; "UAE Port Attacked but Indian Tanker Sails off Safely," The Times of India, March 16, 2026, accessed March 24, 2026, <https://timesofindia.indiatimes.com/india/uae-port-attacked-but-indian-tanker-sails-off-safely/articleshow/129595537.cms>.
- 3 Priyanka Salve, "Inside India Newsletter: How the War in the Middle East Is Set to Determine India's Trade Route to Europe," CNBC, March 12, 2026, accessed March 20, 2026, <https://www.cnbc.com/2026/03/12/us-israel-iran-india-trade-europe.html>.
- 4 "National Security Strategy of the United States of America," The White House, December 2017, accessed December 16, 2025, <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>.
- 5 "National Security Strategy of the United States of America," The White House, October 2022, accessed December 16, 2025, <https://shorturl.at/kU52g>.
- 6 Paul Mozur, and David E. Sager, "Microsoft Makes High-Stakes Play in Tech Cold War With Emirati A.I. Deal," The New York Times, April 16, 2024, accessed December 16, 2025, <https://www.nytimes.com/2024/04/16/technology/microsoft-g42-uae-ai.html>.

ет о совпадении озвучиваемых задач, среди которых сохранение стабильности в регионе БВСА, а также укрепление интеграции и безопасности в этих государствах¹. В связи с этим некоторые западные специалисты говорят о нежелании КНР изменять нынешнюю архитектуру безопасности в регионе БВСА с США в ведущей роли, что свидетельствует о наличии потенциала регионального сотрудничества между двумя государствами². Примечательно, что похожую оценку давали А.В. Ломанов и В.Б. Кашин, отмечавшие готовность Пекина взять на себя ответственность за БВСА, но на равных условиях с Вашингтоном, а также нежелание Китая расширять военное присутствие в регионе³.

Заключение

Увеличение экономического присутствия Китая и растущий интерес государств БВСА к Пекину как источнику новых технологий в регионе вызывает обоснованные опасения в Вашингтоне. В то же время можно констатировать, что действия США, направленные на сдерживание КНР, нельзя считать полностью успешными. С одной стороны, США смогли повлиять на израильско-китайские и эмиратско-китайские отношения путем давления на Тель-Авив и Абу-Даби, что привело к ограничению участия китайского бизнеса в строительстве инфраструктурных проектов в Израиле и к отказу ОАЭ от сотрудничества с технологическими компаниями из Китая в пользу американских. Однако эти успехи объясняются прежде всего особыми отношениями и зависимостью Израиля от США, которая еще больше усилилась во время военных действий в секторе Газа, а также фактическим доминированием США в области производства чипов. Однако практически все государства региона, в том числе упомянутые выше Израиль и ОАЭ, не желают добровольно ограничивать взаимовыгодное сотрудничество с Пекином и делать выбор в пользу США или КНР, отдавая предпочтение политике балансирования, которая реализуется в зависимости от имеющегося пространства для маневра между двумя великими державами.

Однако можно допустить, что при обострении противостояния КНР и США, в частности, при реализации так называемого разрыва (*decoupling*) двух великих держав, ситуация может измениться. Тем не менее в связи с этим уместно вспомнить пример обострения российско-американских отношений, в ходе которого государства БВСА отказались от настойчивых предложений США присоединиться к санкционному режиму и выступить против Москвы. Вместо этого государства региона продолжили реализовывать отвечающий их собственным интересам курс на взаимовыгодное сотрудничество со всеми акторами. Учитывая высокий уровень торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия государств региона с КНР, можно предположить, что описанный выше сценарий может повториться.

- 1 "National Security Strategy of the United States of America," The White House, October 2022, accessed October 16, 2025, <https://shorturl.at/vClSG>;"Wang Yi Proposes a Five-Point Initiative on Achieving Security and Stability in the Middle East," March 26, 2021, accessed December 16, 2025, https://jm.china-embassy.gov.cn/eng/zgxw/202103/t20210327_9003893.htm.
- 2 Leoni 2023, 97; Yun Sun, "China Wants to Weaken, Not Replace, the U.S. in the Middle East," Foreign Policy, February 29, 2024, accessed December 16, 2025, <https://foreignpolicy.com/2024/02/29/china-middle-east-united-states-regional-hegemon-war/>.
- 3 Конференция внерегиональные акторы на Ближнем Востоке // VK Видео. 12 марта 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://vkvideo.ru/video-46560358_456239294 (дата обращения: 24.12.2025).

Как видится, США продолжат политику сдерживания КНР в регионе. Ее успех будет зависеть от конкретных сфер сотрудничества и наличия у государств БВСА пространства для маневра. Вместе с тем США будут обращать внимание на других внерегиональных акторов, в частности на Индию, которую зачастую рассматривают в качестве балансира против китайского влияния на БВСА, о чем свидетельствует участие Нью-Дели в многосторонних инициативах Вашингтона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бредбани, А.М., Нахро, М.И. Китай на Ближнем Востоке: стратегические приоритеты и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая История. 2024. Т. 16. № 1. С. 28–40.
- Bredbane, Ammar Mohsen, and Muhhamad Ismael Nahro. "China in the Middle East: Strategic Priorities and Features." *RUDN Journal of World History* 16, no. 1 (2024): 28–40 [In Russian]. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-28-40>.
- Микаелян, А.А., Морозов, В.М. Эволюция израильско-китайских и израильско-индийских отношений. М.: МГИМО-Университет, 2023.
- Mikaelian, Arman A., and Vladimir M. Morozov. *Ehvoluytsiya izrail'sko-kitaiskikh i izrail'sko-indiskikh otnoshenii*. Moscow: MGIMO-University, 2023 [In Russian].
- Мелкумян, Е.С. Саудовская Аравия между США и Китаем в XXI веке: успешное балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 5. С. 61–71.
- Melkumyan, Elena S. "Saudi Arabia between the USA and China in the First Decades of the XXI century." *World Economy and International Relations* 68, no. 5 (2024): 61–71 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-5-61-71>.
- Савичева, Е.М., Бредбани, А.М., Рыжов, И.В. Китай и страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: от экономических сделок к стратегическому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 180–196.
- Savicheva, Elena M., Ammar M. Bredbane, and Igor V. Ryzhov. "China and Gulf Cooperation Council Countries: From Economic Deals to Strategic Partnerships." *Vestnik RUDN. International Relations* 22, no. 1 (2022): 180–196 [In Russian]. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-180-196>.
- Blarel, Nicholas. "Navigating US-China Rivalry in a Multi-Aligned Middle East: Understanding India's Shifting Strategy Towards the Region." *Journal of Asian Security and International Affairs* 11, no. 4 (2024): 536–556. <https://doi.org/10.1177/23477970241285200>.
- Fulton, Jonathan. "China-Saudi Arabia Relations Through the '1+2+3' Cooperation Pattern." *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies* 14, no. 4 (2020): 516–527. <https://doi.org/10.1080/25765949.2020.1841991>.
- Lavi, Galia. "China and National Infrastructure in Israel: Past the Peak." *Strategic Assessment* 25, no. 2 (2022): 106–116.
- Leoni, Zeno. "US-China Rivalry in the MENA." In *Routledge Companion to China and the Middle East and North Africa*, edited by Yahia H. Zoubir, 89–101. London: Routledge, 2023. <https://doi.org/10.4324/9781003048404-9>.
- Leung, Guy C.K. "China's Oil Use, 1990–2008." *Energy Policy* 38, no. 2 (2010): 932–944. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2009.10.045>.
- Lim, Guanle, and Mustafa Yağcı. "China in the Middle East: Foreign Direct Investment, Economic Transformation, and Regional Development." In *Social Change in the Gulf Region*, edited by Mizanur Rahman, and Amr Al-Azm, 547–561. Singapore: Springer, 2023. https://doi.org/10.1007/978-981-19-7796-1_32.
- Melese, Abebe A. "The Chinese and American Military Installations in Djibouti: National and Regional Security Implications." *China Quarterly of International Strategic Studies* 8, no. 3–4 (2022): 243–262. <https://doi.org/10.1142/S2377740022500130>.
- Mogielnicki, Robert. "Technological Dimensions of China-MENA Economic Relations." In *Routledge Handbook on China-Middle East Relations*, edited by Jonathan Fulton, 281–296. London: Routledge, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003034520-22>.
- Eran, Oded, Shahar Eilam, Asaf Orion, Eldad Shavit, Arkady Milman, and Fadlon Tomer. "Ha-zira ha-beinleumi: ha-takharut ha-globalit vehashpaata ha-mitrakhevet al Israel." *Be-haarakha astrategit le-Israel 2023*, orkhim Tamir Hayman, Ram Yavne ve-Anat Kurtz, 8–14. Tel-Aviv: Ha-makhon le-mekharei bitakhon leumi. 2023.
- Eran, Oded, Shahar Eilam, Asaf Orion, Eldad Shavit, Arkady Milman, and Fadlon Tomer. "The International System: The Global Competition and Its Growing Influence on Israel." In *Strategic Analysis for Israel 2023*, edited by Tamir Hayman, Ram Yavne, and Anat Kurtz, 8–14. Tel-Aviv: The Institute for National Security Studies, 2023 [In Hebrew].

Сведения об авторе

Арман Артакович Микаелян,

к.и.н., старший преподаватель Кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
e-mail: mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 25 ноября 2025.

Переработана: 24 марта 2026.

Принята к публикации: 25 марта 2026.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Микаелян, А.А. Ближний Восток как арена американо-китайского противостояния // *Международная аналитика*. 2026. Том 17 (1). С. 174–192.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-1-174-192>

The Middle East as an Arena of the Sino–American Rivalry

ABSTRACT

The article examines features of great power competition between the People's Republic of China and the United States of America in the Middle East and North Africa (MENA¹). The study reviews China's MENA policy documents as well as how this policy is implemented. China's cooperation with MENA states can be divided into three main groups: 1) energy cooperation; 2) trade, infrastructure and investment cooperation; 3) cooperation in the fields of high-tech and nuclear technologies. The economic rise of China in the post-bipolar period led to a dramatic increase of China's presence in the region and the development of mutually beneficial ties with all regional states. However, the increased presence of China in the region raises concerns in the United States. The author claims that Washington's efforts to contain China in the region can be divided into two groups: 1) bilateral dialogues with regional states to limit China's presence; 2) regional initiatives (I2U2 and IMEC) designed as a response to the Belt and Road Initiative, with India having special role in them. Moreover, the article notes the continuity of the U.S. policy aimed at containing China's influence in MENA. The implementation of these projects faces difficulties due to rising tensions in the region and the escalation of the Israeli-Palestinian conflict. Despite successful examples of the U.S. pressure on the Israeli-Chinese and Emirati-Chinese tracks, MENA states mostly opt for a balanced approach, as they do not take sides in the great power competition and continue their cooperation with both great powers.

KEYWORDS

the Middle East, foreign policy, China, the U.S., India, international relations, Saudi Arabia, the UAE, Israel

1 Not including Iran and Turkey.

Author

Arman A. Mikaelian,

PhD (Hist.), Senior Lecturer, Department of Middle East Languages, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: mikaelyan.a@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: November 25, 2025. Revised: March 24, 2026. Accepted: March 25, 2026.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Mikaelian, Arman A. "The Middle East as an Arena of the Sino-American Rivalry." *Journal of International Analytics* 17, no. 1 (2026): 174–192.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2026-17-1-174-192>